

⁴ Современник. 1847. Т. 1. С. 192—200.

⁵ Анненков П. В. Парижские письма. М., 1984. С. 100.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 536.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Современник. 1858. Т. 70. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 80—81.

¹¹ Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 209.

¹² Там же. С. 215.

¹³ См. Дурьлин С. Александр Дюма и Россия // Лит. наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 491—563.

С. А. Фомичев

(Санкт-Петербург, Россия)

«...ГЛАЗА НАД БУКВАМИ СКОЛЬЗЯТ...»

(К проблеме пушкинской текстологии)¹

Много ли значит в рукописи писателя одна буква?

Иногда она способна коренным образом изменить весь смысл повествования, что отмечено, например, в стихотворном фельетоне Н. А. Некрасова «Газетная»:

...А то раз цензора пропустили,
Вместо северный, скверный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!...

Массу подобных примеров можно увидеть при чтении рукописей Пушкина. Пока ограничимся одним из таковых, проанализированных С. М. Бонди.

«“Повести Белкина”, — отметил исследователь, — вышли в свет при жизни Пушкина, в 1831 году. В повести “Станционный смотритель” имя героя названо лишь один только раз: “...Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его, он привстал... Это точно был Симеон Вырин; но как он постарел!”

Но в то же время его дочь Дуня дважды называется Авдотьей Самсоновной (“Здесь стоит Авдотья Самсоновна?” — спросил он... “Нельзя, нельзя, — закричала ему вслед служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости”).

В конце книги, в списке опечаток (погрешностей) указано, что в первом случае следует читать не “Симеон Вырин”, а “Самсон Вырин” <...>

Между тем во втором издании “Повестей Белкина” при жизни Пушкина (в составе книги “Повести, изданные Александром Пушкиным”, вышедшей в 1834 г.) имя смотрителя и отчество его дочери были неожиданно унифицированы (вопреки указанию на опечатку) так: смотритель — Симеон, дочь его — Авдотья Симеоновна.

Так и печаталось во всех изданиях на протяжении более ста лет, так и называли станционного смотрителя во всех критических статьях и историко-литературных работах...»²

К счастью, сохранилась рукопись повести, которая объясняет причину типографской ошибки, закрепленной (и усугубленной!) впоследствии. Дело в том, что при пушкинской скорописи буква «а» в имени героя действительно более похожа на «и», а «с» — на «i» (точка над последней Пушкиным иногда не ставилась).

Казалось бы, речь тут идет лишь о досадной мелочи, — в конце концов, много ли значит то или иное имя персонажа? Однако дело не только в том, что Симеоном (а не попросту Семеном) мог в пушкинское время называться священнослужитель (это отмечено С. М. Бонди), но и в том, что автором, несомненно, был предусмотрен саркастический штрих: «сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный чином токмо от побоев и то не всегда», наделен именем библейского богатыря. Трогательный, жалостливо-иронический штрих!

Достаточно как угодно насроко перелистать страницы «большого» академического издания Пушкина, чтобы убедиться, как еще много до сих пор сохранилось неуверенных чтений его рукописей, что обозначено редакционным знаком «<?>», означающим, в сущности, редакторскую конъектуру. И не только при воспроизведении черновигов. Подчас мы сталкиваемся с такими случаями и в дефинитивных текстах.

В качестве самостоятельного опуса, например, принято печатать такое стихотворение Пушкина:

Заступники кнута и плети,
 [О знаменитые<?>] князь<я>,
 [За <всѣ> <?>] жена [моя] [и] дети
 [Вам благодарны] как <и я> <?>
 За вас молить [я] бога буду
 И никогда не позабуду
 Когда позовут
 Меня на полную <?> расправу,
 За ваше здравие и славу
 Я <?> дам <?> царю <?> мой первый кнут.
 (II, 416)

В сущности, усилиями нескольких поколений текстологов здесь сконструирован предполагаемый текст чрезвычайно резкой политической инвективы, изложенной Пушкиным якобы от себя лично. Обратившись же к автографу (ПД 830, л. 63), мы убеждаемся, что эти строки органично входят в первоначальный черновик исторической элегии «Андрей Шенье в темнице», занимая место внутри следующего пассажа (обозначим курсивом строки, между которыми предполагалась эта вставка):

...Но слушай, знай, безбожный:
 Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! <...>

(III, 401)

Это внутренний монолог героя — пророческая его угроза тирану Робеспьеру.

В таком контексте едва ли уместны слова «Я дам царю...». Но ведь они не более чем догадка текстологов, едва ли корректная, — как и многие другие слова в этом тексте, даже в тех случаях, когда при них и не поставлен предупреждающий знак «<?>».

Нередко интерпретация того или иного отрывка зависит от правильного прочтения всего одной-двух букв.

В черновой рукописи незаконченного «Романа в письмах» (ПД 841, л. 105 об.) содержится такой эпизод:

«Намедни сочинил я подпись к портрету княжны Ольги <...>
Глупа как ист<...> скучна как со<...>
Не лучше ли
Скучна <etc>
То и другое похоже на мысль...»

Первое из недописанных слов вообще начертано неясно и может быть прочитано как «нет<...>».

Приступая к осмыслению двух редакций стиха, Б. В. Томашевский исходил из презумпции, что вся строка написана александрийским стихом (нетрудно, перебрав различные варианты, убедиться в том, что здесь возможна именно такая конструкция). Следовательно, первое слово должно быть трехсложным, второе же — или трехсложным, или четырехсложным (в строке могла стоять или мужская, или женская клаузула). Оба же слова должны были составлять оппозицию, действительную при перемене знака. После этих умозаключений «оставалось» только взять в руки словарь и переписать в две параллельные колонки все слова, удовлетворяющие сформулированным требованиям. А потом сравнить их между собой.

Сначала исследователь нашел такую пару: «непопырь — соловей». И лишь потом, проверив еще одно возможное чтение первого слова, доказал более крепкую связку, а вместе с тем и два парадоксально остроумные варианта стиха, действительно «похожие на мысль»: «Глупа, как истина, скучна, как совершенство» и «Скучна, как истина, глупа, как совершенство».

Осмысление целого фрагмента текста тем самым зависело от корректного прочтения двух букв.

Сходный пример можно привести из истории расшифровки фрагментов десятой главы «Евгения Онегина»³.

Так, во многих изданиях сочинений Пушкина, включая «большое» академическое, печаталось:

«Я всех уйму с моим народом», —
Наш <царь> в покое говорил.

Слово «покое» прочитал еще П. О. Морозов. На самом деле в автографе начертано «конгр<...>», но уверенно читаются там только буквы «о и <г>», буква же «к» похожа на «л» (это обычно для пушкинского почерка), а «р», в сущности, представляет собою неясный росчерк. Правильное чтение — «в конгрессе» — предложено независимо друг от друга Н. Н. Фатовым и В. А. Мануйловым. Речь у Пушкина шла о Троппауском конгрессе Священного союза.

Назрели, на наш взгляд, и некоторые другие уточнения зашифрованной пушкинской записи десятой главы.

Так, до сих пор принято читать:

Его мы очень смир<ым> знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Б<онапартова> шатра

Но ведь в пушкинской записи четко обозначено «У Г- шатра», т. е. «У Государева шатра», — смысл пушкинского четверостишия, где речь шла о подготовке позорного Тильзитского мира, в таком виде был куда более язвительным: приглашенный для переговоров с победителем (с императором Наполеоном, а не Бонапартом), Александр I («государь») вынужден был согласиться на все унижительные для России условия.

Неверным представляется и прочтение строки «А про тебя и в ус не дует». Идиоматическое выражение в значении «пренебрегает, ставит ни во что» требовало в ту пору не родительного, а дательного падежа — ср. в «Горе от ума»:

А наши старички? Как их возьмет задор,
Засядут о делах, что слово — приговор.
Ведь столбовые все; в ус никому не дуют...⁴

Следовательно, у Пушкина записано: «А кто тебе и в ус не дует»: связка «<кт>» записана им только похоже на «<пр>»

Одно из четверостиший десятой онегинской главы печатается ныне так:

Но Бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в П<ариге>,
А р<усский царь> главой <царей>.

Чтение первой строки здесь отчасти спровоцировано сохранившимся зачином предыдущей строфы:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Б<арклай>, зима иль р<усский> Б<ог>?

Но после этих строк в онегинской строфе следовало еще десять, нам неизвестных, и было бы странно, упомянув Барклай-де-Толли, в рассказе о событиях Отечественной войны не вспомнить здесь имя Кутузова. «Слава Кутузова, — позже заметит Пушкин, — неразрывно связана со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?»

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, где равен был неравный спор, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю. Один Кутузов мог оставаться в этом мудром, деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один обличен был в народную доверенность, которую так чудно оправдал!» (XII, 133)

В строке «И <...?> помог — стал ропот ниже»⁵ Пушкин применил некое сокращение. Может быть — «К—зь»?.. Заглавная первая буква действительно может быть прочитана как «К» (ср. строку «Наш Царь в конгрессе говорил»), букву «з» Пушкин тоже порой писал невнятным росчерком (ср. в словах: «издавна», «грозно», «дерзко», «резким»). Очевидно, конец данной строфы повествовал о назначении Кутузова (Князя Смоленского) главнокомандующим, под давлением общественного мнения, вопреки желанию царя.

Мы специально подобрали в данном случае примеры вариативного у Пушкина написания буквы «к», которая в скорописи очень часто была похожа на «и».

В сущности, предпринимая расшифровку непонятого в рукописи Пушкина слова, текстолог вынужден перебирать различные принятые у него варианты начертания отдельных вокабул.

Положение осложняется в тех случаях, когда мы имеем дело с обычными для пушкинских помет аббревиатурами.

Например, в рукописи концовки восьмой онегинской главы (ПД 167) содержится запись, воспроизведенная в книге «Рукою Пушкина» так:

Болдино 1830
сент. 25 3 ³/₄ часа

Письмо от Н. Кист<еневские> Кр<естьяне>
п о р, р t, к а. ⁶

Для правильного подхода к расшифровке последних двух строк важно понять прежде всего, что две группы помет в автографе ПД 167 вовсе не синхронны: 25 сентября 1830 г. Пушкин отнюдь не получал «письма от Натали».

В Болдино от невесты пришло всего три письма: 9 сентября, 26 октября и 25 ноября. В самом деле, первая помета «Письмо от Nat.» имеется под датой «9 сентября» в черновом автографе «Гробовщика» (ПД 997). В беловом автографе онегинских строф сохранилась память об одном из последующих писем от невесты. Стало быть, законченная в первом варианте 25 сентября (см. первую группу помет), глава дорабатывалась позже в Болдине.

Косвенным подтверждением того, что здесь имелось в виду третье письмо от Наталии Николаевны, служит последняя строка помет. Отрывочное (раздельное) написание букв в данном случае позволяет предположить, что перед нами аббревиатура, средняя часть которой обозначена вовсе не французскими буквами (во французском языке слова, начинающиеся на «k», — наперечет). Расшифровать же всю надпись помогает автограф ПД 146 (с датой 27 ноября 1830 г.) стихотворения «Для берегов отчизны дальной...», посвященного памяти одесской возлюбленной поэта. Нам представляется поэтому, что последнюю строку помет в автографе ПД 167 можно прочитать так:

П<исьмо> о Р<изнич>, Р<изнич> †⁷ (умерла. — С. Ф.), К А<малии>.

То есть следует предположить, что одновременно с письмом от невесты в почтовый день Пушкин получил некое известие об умершей (в 1825 г.) Амалии Ризнич, что и вызвало стихотворение «Для берегов отчизны дальной...» («К Амалии»).

Что же касается правильного прочтения пушкинских французских записей, то показательной здесь является трактовка пометы, оставленной поэтом на заднем форзаце (л. 88) Третьей кишиневской тетради (ПД 833), рядом с датой «14 juillet 1826».

М. А. Цявловский прочитал это слово как «Gon<zaga>», т. е. как фамилию португальского поэта, чье стихотворение «Там звезда зари взошла...» перевел Пушкин. Впрочем, ученый отметил при этом, что «первую букву можно прочесть и как G, и как Z, и как Q»⁸.

А. Ю. Чернов читает это слово как «Gonar<opulo>», т. е. как название острова в устье Невы, где, по его предположению, были захоронены 14 июля 1826 г. тела повешенных накануне пяти декабристов⁹.

Я. Л. Левкович прочитала запись как «Gu<verneur>», т. е. «губернатор», предположив, что именно 14 июля 1826 г. Пушкин мог получить от псковского губернатора Б. А. фон Адеракса извещение об осведетельствовании поэта во Врачебной управе по поводу возможного аневризма¹⁰.

Все эти варианты были отвергнуты В. Д. Раком, который в результате обследования многочисленных пушкинских рукописей доказал, что первая буква загадочной записи должна трактоваться только как «Z» и никак иначе¹¹.

Опираясь на исследование В. Д. Рака, А. В. Дубровский расшифровал запись как «Zo<ubkov>», т. е. как фамилию пушкинского

приятеля В. П. Зубкова, который мог сообщить поэту о дате захоронения декабристов¹².

Данный прецедент свидетельствует о том, как важно нам правильно представлять пушкинские начертания отдельных букв.

Не имеет смысла подробно останавливаться на важности изучения почерка Пушкина для атрибуции его автографов. Приведем на этот счет лишь один пример: почерковедческий анализ записки А. И. Тургенева, ошибочно атрибутированной ранее Пушкину¹³.

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы.

Большинство произведений А. С. Пушкина дошли до нас в черновых рукописях, ныне хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Чтение же черновика в ряде случаев затруднительно. Достаточно взглянуть на воспроизведение черновых вариантов пушкинских текстов в «большом» академическом собрании его сочинений в 16 томах (1937—1949), чтобы убедиться в многочисленности помет <?> и <нрзб>, которые свидетельствуют о неуверенности редакторских трактовок автографов. По поводу некоторых из таких случаев ведется многолетняя научная полемика. В сущности, текстолог-пушкинист вынужден составлять для себя сводку различных вариантов авторской каллиграфии (начертаний отдельных букв и их связей), чтобы корректно прочесть то или иное невнятно записанное слово¹⁴. Подчас же именно эта деталь текста является смысловой доминантой целого фрагмента. Вообще говоря, почерк Пушкина 1820—1830-х гг. достаточно выработан и стабилен, хотя написание отдельных букв у него и варьируется в зависимости от скорости и орудия (гусиное перо, стальное перо, карандаш) записи. В рабочих тетрадях поэта сохранилось немало и зашифрованных помет и аббревиатур, в осмыслении которых прежде всего необходимо определить, русские или французские слова были обозначены им в сокращенном виде.

Это ставит задачу создания электронной систематизированной сводки вариантов пушкинского почерка, что может послужить твердой доказательной базой корректной трактовки пушкинских черновики, а в некоторых случаях производить атрибуционную экспертизу автографов.

Примечания

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 04-07-90354.

² Бонди С. М. Черновики Пушкина. М., 1971. С. 206—207.

³ См.: Морозов П. О. Шифрованное стихотворение Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 13. С. 1—12; Тамашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина». История разгадки // Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 379—420.

⁴ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 46.

⁵ В. В. Набоков также отмечал сомнительность расшифровки «Бог» (см.: Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 645).

⁶ Рукою Пушкина. М., 1935. С. 282.

⁷ Так же в тетради ПД 838 (л. 17 об.) отмечено известие о смерти няни: «Няня †».

⁸ Рукою Пушкина. С. 307.

⁹ Чернов А. Ю. Симпатическая запись в ПД 833 // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26. С. 222.

¹⁰ Левкович Я. Л. «Гоноруполо» или «Губернатор» // Там же. С. 213—214.

¹¹ Рак В. Д. Запись «14 juillet 1826 ZO...<?>» // Там же. Вып. 27. С. 146—147.

¹² Дубровский А. В. Помета, датированная 14 июля 1826 г. // Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина (Неизданный Пушкин. Вып. 3). СПб., 1997. С. 51—59.

¹³ Кибальник С. А. Две записки А. И. Тургенева к Н. И. Гнедичу // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 191—192.

¹⁴ В сущности, мы пока имеем сводку различных написаний у Пушкина только одной из букв русского алфавита. См.: Бонди С. М. Буква «с» у Пушкина // Бонди С. М. Черновики Пушкина. С. 204—210.

И. В. Артемов, Н. Н. Решетникова, Н. В. Соловьев
*(Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения)*

О ЗАДАЧАХ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ГРАФОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУКОПИСНЫХ ТЕКСТОВ¹

Исследование и идентификация текстов находят широкое применение во многих научных и практических задачах. Это и проверка подлинности подписей на документах, и определение принадлежности текста конкретному автору, писателю, автографа — художнику. Прочтение черновых рукописей специалистами-текстологами часто бывает неоднозначным. Возможность автоматизированного выбора методов графологического анализа и идентификации текстовых фрагментов, вынесение суждения о принадлежности отдельной буквы или сочетаний букв к существующему алфавиту, использование общей базы образцов почерков авторов, находящейся на защищенном сервере, существенно повысит вероятность корректной трактовки черновых автографов.

К числу задач, которые могут быть возложены на автоматизированную систему графологического анализа и идентификации рукописных текстов, относятся:

- создание баз данных беловых и черновых алфавитов, лигатур, словосочетаний, строк, страниц рукописей отдельных авторов с учетом названия произведения, года написания, опубликования и других необходимых характеристик;

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

«ОН ВИДИТ НОВГОРОД ВЕЛИКОЙ...»

*Материалы VII Международной пушкинской
конференции «Пушкин и мировая культура»*

Великий Новгород, 31 мая—4 июня 2004 г.

*Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного фонда (РГНФ),
проект № 04-04-14024г*